

«Воюю за свободу русского слова...»

16 МАЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 105 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТЕССЫ ОЛЬГИ БЕРГГОЛЬЦ. ВПЕРВЫЕ БЕЗ КУПЮР ВЫХОДЯТ БЛОКАДНЫЕ ДНЕВНИКИ МУЗЫ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Ольга Берггольц.
Фото из Музея обороны
и блокады Ленинграда.

Завершается работа над совместным проектом издательства «Вита Нова» и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ): впервые без купюр выходят блокадные дневники Музы блокадного Ленинграда с 22 июня 1941-го по 1944 год. В дневник вместились все: эвакуация, обстрелы, работа на радио, цензура, голод, смерть, любовь, вера в победу, надежда на то, что после войны жизнь народа изменится, что того предвоенного «тюремного» ужаса больше не будет...

Мы побеседовали с редактором книги петербургской писательницей Натальей СОКОЛОВСКОЙ.

Наталья Соколовская стала редактором обеих книг о Берггольц.

«ЭТО БЫЛА ВЗРЫВООПАСНАЯ ИСТОРИЯ»

— Наталья Евгеньевна, а когда Ольга Берггольц вообще начала вести дневники?

— В тринадцать лет, может быть даже чуть раньше. Часть их хранится в Пушкинском доме; эти очень интересные отроческие дневники готовит к печати старший научный сотрудник рукописного отдела Пушкинского дома Наталья Аркадьевна Прозорова. А год назад вышла ее книга «Ольга Берггольц. Начало», посвященная этим дневникам.

Архив Ольги Берггольц после ее смерти комиссией по наследству был отдан в ЦГАЛИ. Завещания не было. С очень большими усилиями, после обращений во все мыслимые инстанции, сестра поэтессы Мария Федоровна отстояла, как наследница, свое право на него. И был большой шанс, что дневник останется в городе, его собиралась приобрести Публичная библиотека. Но в последний момент Мария Федоровна, у которой были сложные отношения с сестрой, передумала и в 1976-м все-таки продала архив в РГАЛИ (тогда ЦГАЛИ).

История этой передачи, кстати говоря, есть в будущей книге. М. Ф. Берггольц рассчитывала, видимо, что сможет работать с архивом, когда тот окажется в Москве. Но, как и следовало ожидать, судьба архива Ольги Берггольц решалась на государственном уровне, на Совете министров РСФСР. Архив был

закрыт, чтобы «не нанести ущерб государству и доброму имени О. Берггольц».

В начале 90-х Мария Федоровна уже делала журнальные публикации с отрывками из дневников сестры. Но тогда произошел настоящий бум, появились Шаламов, Солженицын, Гинзбург, Ахматова и многие-многие другие. Никто тех публикаций не заметил. В начале 2000-х М. Ф. издала несколько книг сестры. И вот в 2010-м — к столетию со дня рождения — вышла книга «Ольга. Запретный дневник», которая стала фактически «вторым пришествием» Берггольц.

Сорок лет назад вопрос о дневниках Берггольц решался практически как вопрос о государственной тайне. Власти прекрасно понимали, что в этих дневниках содержится. Это была взрывоопасная история, настоящая бомба с порохом под сидением государства.

Потому что та правда о времени Большого террора, о блокаде, которая есть в этих дневниках, — она зачастую превышает способность обычного человека воспринимать факты и способность власти их переваривать.

Если даже не брать самые острые моменты — тюрьму, блокаду, послевоенную жизнь, «Ленинградское дело», если говорить об очень условно благополучных для Берггольц 30-х годах (до Большого террора) — то дневники тоже оказываются свидетельством. Это история чудовищной деформации личности под давлением тоталитарного государства. Правда, этой части дневников еще предстоит быть опубликованной в другой книге.

— Она отдавала себе отчет в этой деформации?

— Она пишет в дневнике 3 сентября 1936 года: «Иду по трупам»? Нет, делаю то, что приказывает партия. Совесть в основном чиста. А мелкие, блошинные угрызения, вероятно, от интеллигентщины... А речь идет, в частности, о том, что она участвует в травле своего учителя Самуила Маршака, своего бывшего мужа Бориса Корнилова — причем недавно умерла их общая дочь. Что это, если не деформация личности? Как человек может в здравом уме рассуждать таким образом? Всему этому она дала оценку в послевоенных и блокадных дневниках. Это было очень тяжелое раскаяние.

Если бы не было жуткого тюремного опыта и, как следствие, прозрения, она вошла бы в блокаду другим человеком.

Вот она пишет: «Неразрывно спаяты тюрьму с блокадой» — то есть весь город становится камерой, заточением. Точно таким же, как в тюрьме НКВД. И там, и тут от тебя ничто не зависит. В любой момент это может быть конец.

Все это — история личности при тоталитарном режиме. Эту хронику она продолжала вести и в 40-е годы, и в 50-е.

«НУЖНО ОБЪЯСНЯТЬ ДАЖЕ САМЫЕ ПРОСТЫЕ ВЕЩИ»

— Но все-таки пояснения к дневникам, наверное, необходимы.

— Да. Есть, правда, мнение, что дневники настолько «высокодуховны» сами по себе, что комментарии их будут только принижать.

Экспозиция, посвященная поэтессе.

Одна издательница такое заявила недавно. Нет. Нужно объяснять даже самые, казалось бы, простые вещи. Если написано «в Ленинграде умерло столько-то человек», нужно дать комментарий историка: на самом деле цифра была такой. Ведь многого сами ленинградцы не знали. Они и о том, что город в кольце, узнали только два месяца спустя после начала, в ноябре 41-го. До этого всё скрывалось. Вот этот ужас, попытки что-то понять о происходящем на фронтах по радиосводкам и газетам — есть во всех дневниках. К попытке голодом, холодом и обстрелами добавлялась попытка неизвестностью. Но информация искажается и сейчас: когда некоторые утверждают, что Жданов прекрасно организовал эвакуацию. Тот же дневник Берггольц, как и другие блокадные дневники, говорят о другом. И по документам известно о том, как была организована эвакуация, они приведены, например, в книге Г. Л. Соболева «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде». Книга вышла тиражом 300 экземпляров — и всё... Видимо, важнее пускать пыль в глаза, скандируя стихи Берггольц на Дворцовой площади, чем знать правду о войне и блокаде.

Комментарий к книге сделали писатель,

историк советской литературы Наталья Громова и военный историк, кандидат исторических наук Александр Романов. Важно, чтобы читатель понимал, на каком историческом фоне проходила жизнь и Ольги Берггольц, и всех ленинградцев.

«НИКАКИХ УПОМИНАНИЙ О ГОЛОДЕ»

— У Ольги Федоровны была возможность уехать в эвакуацию?

— Она, можно сказать, один раз уехала, ненадолго: после смерти мужа, Николая Молчанова. Она была в страшном состоянии, у нее начиналась дистрофия. Ей сделали командировку от Радиокomiteта в Москву. Ужаснее всего для нее в Москве было то, что «о Ленинграде ничего не знают... говорили, что ленинградцы — герои, восхищались их мужеством и т. д., а в чем оно — не знали. Не знали, что мы голодаем, что люди умирают от голода... Ничего не слышали о такой болезни, как дистрофия. Меня спрашивали: а это опасно для жизни? На радио, не успела я рта раскрыть, как мне сказали: «Можно обо всем, но никаких упоминаний о голоде. Ни-ни. О мужестве, о героизме ленинградском — это то, что нам просто необходимо... Но о голоде ни слова».

Она рвалась обратно, потому что не могла жить той жизнью. «Мне день ото дня невыносимей в Москве. Да и стыдно агитировать за ленинградский героизм».

— На каком вы теперь этапе? Когда выйдет книга?

— Мы приступаем к верстке. Если все пойдет в этом же темпе — то нынешним летом книга выйдет.

— Вы уже знаете, чем будете заниматься после выхода дневников?

— «Вита Нова» вместе с Музеем истории города начинает совместный проект: альбом блокадных рисунков архитектора Якова Рубанчика. Фотографий блокадного Ленинграда не так много, и понятно почему: снимать могли только специальные корреспонденты. Но некоторые рисовали город. Очень много деталей было зафиксировано: это тоже своего рода блокадный дневник. Яков Рубанчик рисовал и город во время бомбежек, и то, как спускают трупы по лестнице, и то, как снимают коней Клодта со своих постаментов... Некоторые рисунки он сам прокомментировал.

Беседовал Федор ДУБШАН

Памятник Ольге Берггольц на Литераторских мостках.